

О ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШЕГО СЛОЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Некоторые мифы в индоевропейской мифологии отражают поворотные моменты истории. Попытки датировать их правомерны. Сравнительно-типологический анализ двух изображений Мирового древа у коренного народа Сибири – долган – и на рисунке в пещере Ляско (Дордонь, Франция, 17 тыс. до н. э.) позволяет определить *terminus ante quem* для первой модели мира. Анализ второй модели мира в двух идентичных сюжетах о сотворении мира у «пеласгов» и у финноязычных народов позволяет установить *дату расхождения вариантов мифа и предков этих народов* 12–10 тыс. до н. э. Мифологемы «Космическое яйцо», «Волчий бог», «Лук и стрелы» зафиксированы в мифологии, фольклоре и эпосах народов уральской, алтайской и индоевропейской семей; образуют древнейший слой их мифологии и датируются 12–10 тыс. до н. э. Данные мифологии наряду с данными археологии и лингвистики позволяют локализовать ареал первых контактов уральцев, алтайцев и предков праиндоевропейцев в Восточной Европе, что дополняет археолого-лингвистические гипотезы об индоевропейских прародинах.

Ключевые слова: космогонические мифы, хронология, индоевропейская история

Мифы отражают разный исторический опыт этноса, трактуемый субъективно. Тем не менее любая информация (историко-культурная, историко-социальная и др.), извлекаемая из мифа, считается исторической. Но миф без хронологического статуса, по определению, не может быть источником событийной истории. Историческим источником в точном значении этого слова могут стать только некоторые мифы при условии установления их связи с конкретно-исторической ситуацией. В этом случае они могут быть встроены непосредственно в мировой исторический процесс. На фоне фундаментально разрабатываемого направления в мифологии путем выявления ареалов фольклорных мотивов и путей их миграции (Березкин 2007; 2013) правомерна и постановка задачи о времени создания мифа. Предположение о существовании общего источника для сходных неконвергентных мифологических сюжетов, который отражает принадлежность его создателей/обладателей к конкретному

периоду общей истории, является объективной отправной точкой в нашем исследовании.

Число мифов, хронологическая позиция которых может быть установлена, ограничено. Знаковые общие периоды в поворотные моменты первобытной истории, охватывающие этнические общности разного масштаба и генезиса, отразились, по нашему мнению (Николаева 1999), в мифах космогонических, теогонических, календарных, так и в мифах о великих достижениях человечества, а именно в мифах о Мировом древе, Космическом яйце, Луке и стрелах; о Волчьем боге и в ряде других (МНМ 1992; Березкин: каталог), не разбираемых в данной статье, но которых мы касаемся в других своих работах (Николаева 1999; 2003: 2011).

Датировать миф, исходя из его внутреннего ресурса, невозможно, поэтому требуется привлечение наук, у которых есть свои независимые методы абсолютной хронологии. Это, прежде всего, археология с естественнонаучными методами датирования и историческая лингвистика с лексико-статистическим методом. Сравнительно-типологический метод позволяет выделить в сходных сюжетах мифологемы, а сравнительно-исторический метод позволяет объяснить причины возникновения общей мифологемы в мифологии разных народов.

В этой статье мы остановимся на древнейших сюжетах индоевропейской мифологии, возникших раньше самого индоевропейского языка. (Сафронов 1989; Николаева 2010: 58–72; Николаева 2011: 204–216)

Первая мифологема «Древо мировое» (Д. м.) (МНМ: 398 и сл.; Березкин: Каталог Гб «Перводерево») присутствует в мировоззренческих системах народов мира, в том числе и индоевропейских народов, а потому, без особых доказательств, может считаться древнейшим архетипом в индоевропейской мифологии. Чтобы доказать его универсальность и определить хронологическую глубину, следует уточнить, что Д. м. – *не просто древо, но трехчастная модель мира, материализуемая, в частности, в образе дерева, и существование другой формы этой модели – не повод отрицать универсальность самой модели*¹.

---

¹ Близкой формулировки придерживается Ю. Е. Березкин: «Мировое древо – это вертикальная ось в воображаемой картине мира, связывающей несколько ярусов мироздания». Хотя всей своей статьей автор опровергает универсальность концепта, он локализует этот сюжет

Попытки определить время создания этого мифа предпринимались, но исследователи ориентировались на самое раннее упоминание его в письменных источниках и датировали его концом IV–III тыс. до н. э. (Топоров 1991: 398–406). Сравнительно-типологическое обозрение мифов народов мира с подобным содержанием свидетельствует уже *a priori* об универсальности мифологемы Д. м.², и этот факт подтверждается датировкой этого мифа (Николаева 1999: 14–61).

Наиболее архаичными следует признать мифы австралийцев о Д. м. Типологически они соотносятся с тотемическими (Мелетинский 1992: 29–30), что указывает на особую их древность. Они примитивны: функции Д. м. расплывчаты, нечетко сформулирован Нижний мир, еще нет богов; осуществляют связь между мирами тотемы. Кроме того, Д. м. австралийцев вбирает в себя несколько функций (объяснение космических явлений – фазы луны, заход и восход солнца, смену времен года), которые в более поздних вариантах Д. м. разделяются. Австралийский миф о Мировом древе следует датировать началом позднего палеолита, поскольку принесшие его с собой сапиенсы второй волны, появившись около 40 тыс. лет до н. э. в Австралии (Березкин 2013: 273), были затем изолированы от внешнего мира, в связи с подъемом уровня Мирового океана при переходе от плейстоцена к голоцену и исчезновением «сухопутных» мостов сообщения с Азией. Изоляция продлилась вплоть до открытия и освоения этого материка в XVIII в. европейцами.

Миф о Д. м. у индейцев Америки датируется концом палеолита (15–10 тыс. лет), исходя из времени заселения Америки из Северной Евразии, из Сибири (Березкин 2013: 9–10).

Учитывая уникальные условия изоляции австралийцев, медленную эволюцию их культуры, а также 10-тысячелетнюю изоляцию населения Американского континента с исчезновением Берингии (Березкин 2007; 2012), оба варианта мифа о Д. м. дают представление об исходном варианте общепланетарного мифа о Мировом древе, который видоизменяется у каждого народа (Николаева 1999: 38).

сначала на юге, датируя появление этого образа верхним палеолитом, а нижнюю границу определяет временем заселения Америки концом плейстоцена-ранним голоценом (Березкин 2012: 3, 5, 10, 14).

² По мнению одних ученых (Топоров 1992: 398) Мировое древо – универсальная мифологема, но этот тезис не поддерживается рядом других ученых (Березкин 2012: 14; Напольских 2012: 19).

Индоевропейские мифы о Д. м. не дают аргументов в пользу столь раннего датирования этого образа, но имеют между собой черты сходства и различия, фиксирующие существование промежуточных союзов индоевропейцев в процессе распада их общности³.

Мифы о Д. м. у народов Северной Евразии, исходные для американского, малоинформативны с точки зрения независимого датирования рассматриваемой мифологемы, но служат важным источником для определения семантики палеолитического объекта как изображения Д.м. и красноречивым дополнением к тезису об универсальности мифологемы Д. м.

Речь идет об известном, но непонятом исследователями рисунке в виде шеста, (сломанного пополам, с двумя косыми перекладинами и с Птицей на вершине), обнаруженном в пещере Ляско (поздний палеолит, солютрейско-мадленская эпоха, 18–15 тыс., Дордонь, Франция) (рис. 1 а). Без прямых аналогий этому объекту можно было только строить предположения о его семантике. Так, исходя из содержания рисунка (рядом с шестом лежит умирающий охотник, раненый бизоном), можно было допустить, что на этом рисунке изображено Древо жизни как вариант Мирового древа, поскольку нарушение целостности стержня недвусмысленно связано с уходящей жизнью охотника. Эта «картина» уникальна, и ей нет пока аналогов в палеолитической живописи.

Рис. 1а

³ В описании Д. м. в «Энеиде» (Вергилий: Кн. 6, стк.135–142, 202–211, 406, 409, 635) и Д. м. в славяно-русском фольклоре (Афанасьев 1868: 294) особое сходство выражается в детали «золотая ветвь», что объяснимо, учитывая обособление праславян и италиков в группе «древнеевропейцев», северной ветви, отделившейся в середине 4 тыс. до н. э. от южной части праиндоевропейской общности (Сафронов 1989; Николаева 2011).

Полную и уникальную аналогию этому объекту в Ляско можно видеть в культовых предметах у коренного или одного из древнейших народов Сибири – долган. Последние представляют собой устоявшуюся, каноничную форму изображения Мирового древа (деревянные шесты с двумя косыми перекладинами, увенчанные птицей, закрепленные на плоскости деревянных подносов (МНМ: с. 399) (рис. 1 б). Учитывая типологическое сходство и особую древность долган⁴, уходящую в эпоху позднего палеолита, можно считать рисунок шеста, увенчанного птицей, в пещере Ляско идентифицированным и древнейшим изображением Мирового древа, датируемым 18–15 тыс. до н. э.⁵

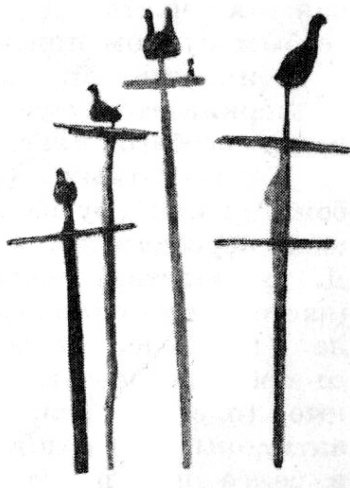

Рис. 1б

⁴ Этноним и язык долган – метисный, связанный в разной степени и с уральскими, и с алтайскими, и с палеоазиатскими языками. Долганский язык относят к тюркским языкам (ЛЭС 1990: 138), но долганы как один из тунгусских родов принадлежали к другой ветви алтайской семьи, и хотя вошли в состав якутов, они рассматриваются и как отдельный народ со своей культурой и языком, имевший культурно-политические контакты с юкагирами. (Ушницкий: 127; Бахтин 2004). Юкагиры – древнейший народ Северо-Востока Сибири. Его язык относят и к палеоазиатским языкам (О. А. Мудрак), и к уральским (Е.А. Хелимский).

⁵ Следует упомянуть альтернативное мнение «об отсутствии образа Древа мирового в знаковых системах верхнепалеолитической живописи» (Топоров 1991: 399).

Следует отметить, что ни у кого не вызывает сомнения трактовка в качестве Д. м. вполне реалистических рисунков дерева, около которого помещаются самые разные объекты и персонажи (рис. 2). Включение Д.м. в такие композиции подчеркивает их сакральный смысл и более глубокую древность этого архетипа сравнительно, например, с мифологемой «Великая богиня», что подтверждается и письменными источниками (текст «Инанна и дерево Хулуппу» – Афанасьева 1979: 85–92, 105,110).

Рис. 2

На основании этих данных можно говорить, что представления о строении мира сформировались у *Homo sapiens* не позднее 40 тыс. лет назад и на протяжении тысячелетий сохранялись в обрядах, фольклоре у народов мира, в том числе и у индоевропейских народов (Николаева 1999: 57), таким образом, составляя древнейший пласт их религии.

Вторая мифологема «Космическое яйцо» (К. я.) (МНМ, т. 2: 681) имеет более локальный характер, чем предыдущая, но сюжет о сотворении мира из Яйца известен в мифологии ряда индоевропейских и неиндоевропейских народов, в том числе у «пеласгов» или фрако-пеласгов, догреческого индоевропейского населения Балкан⁶, и у финноязычных народов (Березкин: каталог В 79 «Космическое яйцо»). Но сравнение только двух

⁶ Пеласги, по Ю. В. Откупщикову (1988: 43), – народ, говорящий «на варварском» языке, непонятном грекам (Hdt. I 57, 58, II 50–52), живший на Северных Балканах рядом с тирсенами, чреполосно с фракийцами. Сторонники историчности пеласгов указывают на родство пеласгского языка с фракийским и употребляют этноним «фрако-пеласги» (Георгиев, Дечев, Гиндин; см. дискуссию Откупщиков 1988: 27). Возможно, не случайно, что наиболее полно «пеласгический» миф творения передан в песне *фракийца* Орфея (Apol. Rhod. I, 501–504).

наиболее близких текстов – первая руна эпоса «Калевала» и «пеласгический» миф, воссозданный по фрагментам, сохранившимся в античных источниках (Грейвс 1992: 15–17; Apoll. Rhod., I, 500–504; Tzetz: 1191) – позволяет сделать вывод об их полной тождественности в деталях, исключающих конвергентность, и вывести на этом основании *дату расхождения этих вариантов*⁷.

К этим особым деталям относятся общие персонажи: богиня-Дева («стройное дитя творенья среди пустынного пространства» Ильматар – у финнов; «восставшая из Хаоса» Эвринома – у пеласгов), выступающая в облике птицы (голубки – у пеласгов, утки – у финно-угров⁸), второй участник акта творения (Ветер – у финно-угров) или Ветер (ипостась Змея Офиона – у пеласгов). Преобразование Хаоса в обоих мифах начинается с разделения его на две части с образованием двух сфер: воздуха и моря (у финнов), неба и моря (у пеласгов). Из Космического яйца, снесенного божественной птицей, возникают светила, звезды, планеты и управляющие ими Титаны (у пеласгов), а процесс созидания на Земле продолжают рожденные Богиней демиурги – Пеласг и Вьянемейнен.

Сходство финно-угорского и пеласгического мифов о сотворении мира может объясняться или общим генезисом финно-угров и пеласгов, или ареальными заимствованиями в процессе прямых контактов. Однако в обозримой индоевропейской древности такие контакты не фиксируются никакими историческими, лингвистическими и археологическими источниками. Действительно, период (4500–2500 гг. до н. э.) бесконтактного сосуществования предков финно-угров и индоевропейцев в Европе является *terminus ante quem* для сложения мифа о сотворении мира из Яйца. Но эта дата может быть отодвинута в

⁷ В случае возникновения сомнений в корректности использования реконструкции пеласгического мифа, можно привести орфический миф аналогичного содержания (Грейвс 1992: 18). При этом, основной вывод не меняется, поскольку и греки также не вступали в контакт с финно-уграми в рассматриваемый период.

⁸ Полноту аналогии не может умалять тот факт, что в «Калевале» в птицу превращается не Ильматар, а верховный бог Укко. Эта трансформация мифа связана со сменой материнского рода отцовским, но очевидно, что был более древний вариант мифа, где главная функция творения, конечно, была связана с Ильматар, которая сама превращалась в Птицу. Антропоморфность божества в обоих мифах – результат более поздней переработки мифов.

более глубокую древность, поскольку до этого периода, согласно балкано-дунайской концепции никаких индоевропейцев не было в Европе вообще; они были на Ближнем Востоке (Сафронов 1989: 28–46), куда, спасаясь от холодов Европы, их предки – евразийцы и носители свидерской культуры – пришли в конце 9 тыс. до н. э. и задержались там почти на 4 тысячи лет (Николаева 1999: 301).

Их приход на Ближний Восток доказывается появлением памятников тахунийской = свидерской культуры, содержащих неизвестные до этого на Востоке *лук и стрелы, собаку, домашнюю козу, новую технологию домостроительства – прямоугольные в плане дома, т. е. все признаки, являющиеся характеристикой свидерской культуры. Это явление сопровождалось и исчезновением в нескольких регионах Ближнего Востока местной натуфийской (афразийской) (Милитарев 1984) культурной традиции, которая особенно отчетливо прослеживается в стратиграфии Иерихона: нижний (пост-натуфийский) слой – Иерихон «А» – афразийско/прасемитский протогород, а верхний (тахунийский) слой – Иерихон «В» – евразийско-раннепраиндоевропейский (Сафронов, Николаева 2003: 107–123). Вернувшись в 5 тыс. до н. э. с Ближнего Востока в Европу, праиндоевропейцы создали на Северных Балканах древнейшую в мире цивилизацию с письменностью и протогородами и всем, что вытекает из этого. Ранняя цивилизация представлена памятниками культуры Винча⁹ на Северных Балканах и культур винчанского круга Нижнего Подунавья (Прекукутени-Триполье А, Градешница, Дудешти, Боян-Болинтяну, Гумельница, Варна), с которыми связаны народы «догреческого субстрата», в том числе и «пеласги». Однако индоевропеизация Европы осуществлялась не Винчей, а ее производными, поэтому винчанцы (пеласги?) никогда не выходили за границы Нижнего Подунавья и не*

---

⁹ По Геродоту (Hdt.VIII 44), «пеласги владели так называемой Элладой», до выхода на историческую арену первых греков, т. е. до начала III или II тыс. до н. э., жили на Халкидике, а также занимали острова Эгейского моря (Лемнос, Лесбос, Имброс и др.). С позиции археологии, этноним «пеласги» могут соответствовать названию праиндоевропейского народа, являющегося этническим эквивалентом культуры Винча, поскольку наблюдается параллельная археологическая картина: с начала III тыс. культура Винча вытесняется с Балкан, но взамен возникает связанная с ней культура Раннебронзового века Элады, Киклад и запада Малой Азии (Сафронов 1989: 179–190).

вступали в контакт с племенами Восточной Европы (Николаева 1986: 3–5; Сафронов 1989: 71–93).

Предки финноязычных племен, в среде которых миф о сотворении мира из Яйца сохранялся только в устной форме, являются носителями той же свидерской культуры. Но их судьба сложилась иначе. Гонимые дриасовыми холодами финального плейстоцена, они ушли в Крым (нижний слой стоянки Сюрень 2 – Рогачев 1984: 222), где также найдены характерные признаки этой культуры – лук и стрелы, кости собаки и северного оленя. Но с началом голоцена мигранты вернулись назад и их потомками являются в том числе и финноязычные народы. Подтверждением этого возвращения стало распространение в Прибалтике, Волго-Окском междуречье пост-свидерских культур (Кунда, Бутово и др.). Преемственность их культуры от финальнопалеолитической традиции конца плейстоцена подчеркивается наименованием «голоценовый палеолит» (Мезолит 1989: 11; Зализняк 1989: 111; Николаева 1999: 238–309). Эта непрерывность культурной традиции в лесной зоне Восточной Европы от мезолита до эпохи бронзы (8–2 тыс. до н. э.) дала основание для предположения о финно-угорской атрибуции памятников мезолита (Гурина 1989: 54). Более поздняя история уральского, финно-угорского и финноязычного сообществ отражается также в данных археологии¹⁰. Многослойность гидронимии в этом ареале, где нижний и верхний уровень представлены

---

¹⁰ Неолитизация севера Восточной Европы была связана с импульсом культуры Старчево-Кереш через влияние культуры линейно-ленточной керамики на пост-свидерские культуры Восточной Европы (нарвская, культура ямочно-гребенчатой керамики). Сложение неолитической общности в южной лесостепной части Восточной Европы (днепродонецкой, мариупольско-сьезжинской) было связано с прохождением в начале 4 тыс. по южной границе лесного ареала носителей старчево-криш – буго-днестровской-культуры, что вызвало и дезинтеграцию неолитической общности севера Восточной Европы и *уходом самодийской* ее части в Сибирь, где и поныне живут самодийские народы уральской семьи. Лингвисты относят распад уральской общности также к 4 тыс. (Janhunen 1992). Восточная Европа в лесных регионах осталась областью расселения финно-угорских народов. С началом восточных миграций индоевропейцев из Центральной Европы в 3 тыс. до н.э. происходит *дезинтеграция* и *финно-угорской* общности Восточной Европы. Разные группировки (в зависимости от разной таксономии) финноязычных племен остаются в Восточной Европе, что согласуется с образованием ряда неолитических восточноевропейских групп ямочно-гребенчатой керамики.

финно-угорскими названиями, также свидетельствуют об автохтонности оставившего их населения в лесной зоне Восточной Европы до оттеснения их «древнеевропейцами» (термин Г. Крае для северной ветви праиндоевропейской общности) в виде фатьяновской культуры 20–14 вв. до н. э. и абашевской культуры 14–13 вв. до н. э., с последующим возвращением финноязычных племен, создателей «Калевалы», на свои территории.

В настоящее время лингвисты (Grinberg 2000; Starostin 2007: 825; Милитарев, Старостин 2004) обосновывают синхронность и параллелизм в развитии афразийской и евразийской макросемей (включающей праиндоевропейский, уральский и алтайский в качестве «ядра ностратической общности»), что исключает обязательную локализацию ностратических языков на Ближнем Востоке, таким образом, косвенно подтверждает тем самым связи носителей уральского, алтайского и праиндоевропейского языков в Восточной Европе, в ностратическую эпоху (11–8 тыс. до н. э.).

Из сказанного следует, что в истории индоевропейцев и финно-угров *для мифотворчества есть только один общий период*, когда они были единым сообществом или ареальным союзом «охотников на северного оленя», входили в урало-алтайско-индоевропейскую общность (евразийскую, по Дж. Гринбергу).

Данные палеогеографии также говорят о том, что именно в этот период мог сложиться миф о Космическом яйце, поскольку экологическая обстановка в приледниковой степи в период потеплений бёллинг-аллерёд могла подсказать образы, иносказательно звучащие в мифе творения (большое зеркало воды – интенсивное образование облаков, как двухчастная структура в мифе «небо–вода»; водоплавающие птицы как созидающее начало и яйцо как символ жизни и нового мира).

Смена двух моделей мира, «Мировое древо» и «Космическое яйцо», отражает смену двух геологических эпох со всеми вытекающими из этого последствиями. Рождение нового мира сопровождается описанием гибели Мирового древа как у финнов, самодийцев, так и у индоевропейцев, что является также важной деталью, указывающей на более тесную связь разобранных выше мифов.

Третья и четвертая мифологемы «Волк как Волчий бог» (МНМ, т. 1: 242) и **«Лук и стрелы»** (МНМ, т. 2: 76, 77) близки по функциональному наполнению и датируются, как и мифологема К. я. временем 12–9 тыс., поскольку зафиксированы в

уральском и алтайском фольклоре, в архаических эпосах тюркоязычных народов, а также в мифологии, фольклоре и эпосах индоевропейских народов (Николаева 1999: 153, 154).

Приручение волка и изобретение лука и стрел «охотниками на северного оленя» определили всю последующую жизнь большей части человечества, а потому не могли не найти своего места в мифо-поэтических представлениях индоевропейских народов и народов Северной Евразии.

Таким образом, все разобранные мифологемы, «Мировое древо», «Космическое яйцо», «Волчий бог», «Лук и стрелы», характеризующие древнейший слой мифологии индоевропейских народов, сложились в финальном плейстоцене и датируются 12–9 тыс. до н. э. Данные мифологии наряду с данными археологии и лингвистики (Grinberg 2000; Милитарев, Старостин: 2004), подтверждают вывод о первых контактах уральцев и праиндоевропейцев именно на территории Восточной Европы, а не на Ближнем Востоке, как это следовало бы из ностратической теории. В любом случае, возникает задача и реальная возможность скорректировать историко-лингвистические гипотезы об индоевропейских прародинах с учетом археологического и мифологического материала.

С внесением хронологических реперов мифы могут играть роль письменного источника и стать наряду с лингвистикой и археологией необходимым инструментом в реконструкции истории бесписьменных народов (Николаева 1999).

Литература

- Афанасьев 1868 – Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868 (Репринт 1994).
- Афанасьева 1979 – Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979.
- Бахтин 2004 – Бахтин С. А. Проблема дифференциации якутов и долган // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Красноярск, 2004. Ч. 1. С. 61–65.
- Березкин 2007 – Березкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку (ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет) М.: ОГИ, 2007 (Нация и культура / Новые исследования: Фольклор).
- Березкин 2012 – Березкин Ю. Е. Мифологические деревья в лесу культуры // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 3–18.
- Березкин 2013 – Березкин Ю. Е. Африка, миграции, мифология (ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе). СПб.: Наука, 2013.

- Березкин, Каталог – Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 04.05.2014).
- Вергилий – Вергилий. Энеида М., 1971 (= Библиотека всемирной литературы. Т. 6.).
- Грейвс 1992 – Грейвс Р. Мифы Древней Греции М.: Прогресс, 1992. С. 15–17.
- Гурина 1989 – Гурина Н. Н. Мезолит Литвы и Белоруссии // Мезолит СССР. М., 1989.
- Зализняк 1989 – Зализняк А. А. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наукова думка, 1989.
- Калевала 1977 – Калевала. М. 1977 (= Библиотека всемирной литературы. Т. 12).
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Мезолит СССР. М. 1989.
- Мелетинский 1991 – Мелетинский Е. М. Австралийская мифология // Мифы народов мира. Т.1. М., 1991. С. 29–30.
- Милитарев, Шнирельман 1984 – Милитарев А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1984.
- Милитарев А. Ю., Старостин С. А. О древе языков (обзор мнений) <http://www.fund-intent.ru/Document/Show/4415> (04.05.2014).
- МНМ 1991 – Мифы народов мира в 2 т. М.: Сов. энциклопедия., 1991.
- Напольских 2012 – Напольских В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 19–28.
- Николаева, Сафронов 1986 – Николаева Н. А., Сафронов В. А. Винча – древнейшая цивилизация Старого Света // Балканы в контексте Средиземноморья. Материалы к симпозиуму. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1986.
- Николаева 1999 – Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.
- Николаева 2003 – Сафронов В. А., Николаева Н. А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М.: Русская панорама, 2003.
- Николаева 2010 – Николаева Н. А. Четыре прародины индоевропейцев в концепции В. А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М. Изд-во Московского государственного областного университета. С. 58–73.
- Николаева 2011 – Николаева Н. А. Этнокультурные процессы в Кубано-Терском междуречье в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ, 2011.
- Откупщиков 1983 – Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
- Рогачев 1984 – Рогачев В. А., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука. С. 162–272.
- Сафронов 1989 – Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

- Топоров 1991 – Топоров В. Н. Древо Мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 398–406.
- Ушницкий В. В. Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности. <http://www.ipdn.ru>.
- Grinberg 2000 – Grinberg J. Indo-European and Its Closest Relatives: The Eurasianic Language Family. Stanford: Stanford University Press, Volume I: Grammar, 2000; Volume II: Lexicon, 2002.
- Starostin 2007 – Starostin S. A. Indoeuropean among other language families: problems of dating, contacts and genetic relationships // Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур. С. 806–820
- Janhunen 1992 – Janhunen Ju. Uralic languages // The International Encyclopedia of Linguistics / Bright W. (ed.). Vol. 4. Oxford University Press, 1992. P. 205–210.
- Αpoll. Rodh. – Απολλωνий Ροδοςкий. Αργοναυτικα / пер., ст. и прим. Н. А. Чистяковой. М.: Ладомир-Наука. 2001.
- Αpollonii Rhodii Argonautica / rec. R. Merkel. Lipsiae, 1968.
- Tzetzes – Цец. Схолии к Ликофрону. – Tzetzes scholia in Lycophr., ed. Müller, v. I–III. Lipsiae. 1826.
- Hdt – Геродот. История / пер. и прим. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1972.

N. A. Nikolaeva. On the chronological position of the most ancient stratum of Indo-European mythology

The most ancient Indo-European myths reflect some turning points in World History. Any attempt to date them is, thus, justified. Comparative analysis of Dolgan World Tree image (as a pole with two crossbars with a bird on top) and the drawing of a broken pole in the scene with the wounded hunter in the *Grotte de Lascaux* (Dordogne, France, 17 millenium BC) enables us to determine *terminus ante quem* for the first model of the Universe. The identity of “Pelagian” and Finnish myths about “Cosmic Egg” makes it possible to consider 12–10 millenium BC as the date of their divergence. Besides, such mythologems as “Wolf God”, “Bow and arrows” from the myths, folklore and epics of Uralic and Altaic peoples, have the same date and characterize the most ancient stratum of the Indo-European mythology as well. The chronological position of these three mythologems endorses the idea on localization of the area of the first contacts among Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Altaic peoples in the Eastern Europe.

Keywords: cosmogonic myths, chronology, Indo-European mythology.